

А. В. Чепкасов

**РАБОТА СПИЧРАЙТЕРА И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ
НАД ТЕКСТАМИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

В статье представлены особенности работы спичрайтера и политического деятеля по составлению текста. Обосновывается специфика этих текстов с позиции адресанта и адресата, ситуации исполнения, выделены основные жанры, намечены когнитивно-дискурсивные методы анализа жанровых характеристик текстов публичных выступлений политика.

Ключевые слова: спичрайтер, политический деятель, текст, адресант, адресат, аудитория, фрейм.

A. V. Chepkasov

**SPEECH WRITER'S AND POLITICIAN'S WORK ON THE PUBLIC
SPEAKING TEXTS (TO THE PROBLEM)**

The article reveals peculiarities of speech writer and politician's work on composition of a text. Specificity of these texts is demonstrated from a perspective of addressee and addresser, and situation of execution; major genres are distinguished; cognitive and discursive methods for analysis of genre characteristics of a politician's public speeches are outlined.

Keywords: speech writer, politician, text, addressee, addresser, audience, frame.

Любой текст имеет внутреннюю организацию, он соткан из слов, объединенных между собой смыслом. В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова текст определяется как «всякая запечатленная в письменности или памяти речь, написанные или сказанные кем-нибудь слова, которые можно воспроизвести в том же виде» [9]. Как представляется, такое понимание текста значимо для эпохи тоталитаризма, во временных рамках которого создавался Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова, в период, когда устной речи как таковой не существовало. Любое выступление ораторов подвергалось цензуре. Выступая на митингах, собраниях, ораторы озвучивали письменную речь, не принося ничего от себя в вербальную канву текста.

Настоящее время – время устной речи, построенной по иным законам, нежели речь письменная.

Письменная и устная речь одинаково значимы в обществе. Любой письменный текст может быть озвучен, а устный – записан. На радио и телевидении устная и озвученная письменная речи сосуществуют, дополняя друг друга (например, жанр радио- и телеинтервью). Объединяющим началом устной и письменной речи является кодифицированный литературный язык.

Тем не менее, устная и письменная речь характеризуются своими особенностями. Письменная речь – это всегда речь, продуманная в соответствии с нормами письменной речи, которые далеко не всегда совпадают с нормами устной речи. Устную речь сопровождают, усиливая ее выразительность, взгляд, пространственное расположение говорящего и слушающего, поза, мимика, жесты, внешний вид, одежда, прическа. Жест так же, как и слово имеет значение, может выражать эмоциональное состояние, согласие или несогла-

сие, удивление и т. д., служить контактоустанавливающим средством. Как отмечает Ю. М. Лотман, подчинительные конструкции, как бы приспособившись к устной речи, восполняют семиотическую функцию жестов [7]. Краткость устных речевых конструкций и стоящих за ними логических схем восполняется жестами (в широком понимании – мимикой, взглядом, позой, жестами рукой, эмфатической интонацией); подчинительные союзы в письменной речи, в свою очередь, раскрывают значение жестов. Т. е. одно и то же содержание по-разному представлено в устной (многоканальной) и письменной (одноканальной) речи. Подчинительные конструкции являются результатом «отображения многоканальной устной речи в одноканальности письменной» [7, с. 190]. В первом случае адресант и адресат видят друг друга, чего не происходит во втором случае. Говорящий учитывает реакцию слушающих и стремится вызвать интерес к своей речи, привлечь внимание, в связи с чем в устной речи интонационно выделяются важные моменты, уточняются посредством повторов значимые части, нередко происходит авторское комментирование. Многие огрехи устной речи – незаконченные высказывания, перебивы, репризы и т. п. – необходимые условия успешности и эффективности устной коммуникации. Слушающий не может удержать в памяти все грамматические и семантические связи текста, и говорящий должен учитывать это; тогда его речь будет понята и осмыслена. В отличие от письменной речи, которая строится в соответствии с логическим движением мысли, устная речь развивается посредством ассоциаций. Устная речь может быть подготовленной (доклад, сообщение, лекция и др.) и неподготовленной (разговор, беседа). Подготовленная устная речь отличается продуманностью,

более четкой структурной организацией, но при этом говорящий, как правило, стремится, чтобы его речь была непринужденной, не «заученной», походила на непосредственное общение, что является одним из важнейших признаков ораторского мастерства. В разговорной речи всегда присутствует личностное начало с целью усиления воздействия на слушающих. Поэтому в устной речи используется эмоционально и экспрессивно окрашенная лексика, применяются образные сравнительные конструкции, фразеологизмы, пословицы, поговорки, при необходимости сленг и просторечные элементы. Письмо используется для фиксации звуковой речи. Знаки препинания, применяемые на письме, служат для членения речи: точки, запятые, тире, восклицательные и вопросительные знаки, двоеточия, точки с запятыми соответствуют различным интонационно-смысловым паузам в устной речи.

Несомненно, можно привести еще ряд особенностей, характерных для устной и письменной речи. Мы указали основные из них, те, которые необходимо знать спичрайтеру, особенно спичрайтеру, который пишет речи для высокопоставленных политических чиновников. Речь спичрайтером пишется для того, чтобы она произносилась, и одновременно для возможной печати ее в средствах массовой информации. Получается как бы два текста: один ориентирован на речь письменную, а другой – на устную речь вполне определенного человека, которая будет произнесена им для определенной аудитории. Любой текст пишется для кого-нибудь. Т. е. он всегда выполняется адресантом, человеком, который пишет текст для адресата (озвучивающего его). Тексты, которые пишут спичрайтеры, характеризуются вполне определенной целью, мотивацией, обусловлены жанром, аудиторией, для которой этот текст пред-

назначен, и тем оратором, для которого он пишется.

Работа спичрайтера – это работа по заказу. Т. е. спичрайтер должен проникнуться теми идеями, которые необходимо высказать человеку, для которого текст пишется. Это довольно сложная лингвистическая и психологическая работа.

Как лингвист, спичрайтер должен хорошо знать лексические, морфологические, синтаксические, словообразовательные, фонетические особенности языка, уметь ими пользоваться в зависимости от жанрового исполнения текста, потому что употребление тех или иных грамматических, словообразовательных, лексических, а порой и фонетических средств языка обусловлено форматом конкретного жанра. При этом спичрайтер должен знать психологические особенности оратора, усвоить его манеру говорить, интонацию, которая, как об этом говорилось выше, проявляется в письменной речи через знаки препинания. Другими словами, эта речь должна выражать особенности языковой личности оратора. Кроме того, спичрайтер должен уметь пользоваться стилистическими и риторическими приемами, направленными на эффективность речи. И, конечно, необходимо знание стереотипов, прототипов, которые значимы для людей тех или иных социальных сфер, в чем проявляется ориентация на общую память, являющуюся ключом к взаимному пониманию. А в этом случае важно использование фразеологических оборотов, которые разноцветивают речь, делают ее образной, яркой, своей. Важен эмотивный компонент. Эмоции имеют особую значимость в восприятии речи аудиторией. Их совместное употребление со стереотипами делает речь чрезвычайно убедительной.

Как уже говорилось выше, любой текст предполагает наличие **автора и**

адресата. В этом смысле текст публично-го выступления политика имеет свою особенность. В конечном счете, его адресатом является вполне конкретная и определенная аудитория (участники совещания, собрания, жители города, области, страны и т. д.). Однако в процессе создания текста для спичрайтера вполне определено существуют **два адресата.** Первый из них более ранний и на первом этапе более важный для спичрайтера – это собственно руководитель, политик (мэр, губернатор...), который должен **согласовать** этот текст, принять его за **«свой»**, признать свое «авторство». Но и второй, конечный адресат не менее важен для спичрайтера, ведь в тексте обязательно закладываются какие-то мысли, позиции, призванные воздействовать на конечного потребителя.

Не менее странно выглядит и вопрос «авторства» текста публичного выступления политика. Спичрайтер, а чаще это группа, **команда** людей, фактически оказывается в тени, он как бы и не является **автором** данного текста. Он не участвует в акте коммуникации, «невидим», «немаркирован», его собственно никто и не знает как автора текста.

Адресантом в процессе коммуникации выступает сам оратор, политик, руководитель. По сути, это **«его»** текст, он – **«автор»**, поскольку принял его, признал «своим». В чем выражается и как измеряется эта **доля своего?** В импровизациях, отступлениях от текста, в жестах и мимике (хотя иногда и они являются продуктом имиджмейкеров и психологов), интонации и т. д. Оратор в своем выступлении стремится к тому, чтобы в семиотическом отношении аудитория и он «представляли как бы удвоенную одну и ту же личность» [6, с. 157]. «Взаимосвязь текста и аудитории характеризуется взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе <...> аудитория отвечает ему тем же»

[6, с. 203]. «Текст как бы включает в себя образ “своей” идеальной аудитории, аудитория – “своего” текста» [6, с. 203]. Уловить то, что должно привести к взаимопроникновению адресанта и адресата, – задача, которую должен выполнить спичрайтер. Это возможно при условии анализа предыдущих выступлений политика и совместной работы над текстом, который политик читает в ходе его подготовки и редактирует.

Вместе с тем, как писал Гумбольдт, общаясь, люди понимают и одновременно не понимают друг друга [2]. И это непонимание имеет свои плюсы. «Текст абсолютно понятный есть вместе с тем и текст абсолютно бесполезный» [7, с. 20]. Складывающаяся во время выступления атмосфера доверия способна переориентировать аудиторию в новое русло видения проблем, которые необходимо решать. Яркие сравнения в этом плане незаменимы, именно сравнения, посредством которых человек познает мир, строит новые образы, как об этом писал А. А. Потебня [8].

Значительное место в речи политика занимает метафора, которая пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична. Использование метафоры позволяет высветить необходимый аспект предмета, явления, о котором идет речь, убрав в тень, замаскировав ненужные в данной ситуации стороны обсуждаемой проблемы. Представляется, что для каждого политика характерен свой набор типов метафор, чему мы собираемся посвятить отдельную статью, подвергнув анализу в этом аспекте речи разных политических деятелей.

Как писал М. М. Бахтин, «каждое отдельное высказывание, конечно, индиви-

дуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои *относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами*» [1, с. 237]. Спичрайтеру, как и человеку, для которого пишется речь, необходимы знания о специфике жанров речи.

Опыт работы спичрайтером позволяет выделить следующие основные виды речевых жанров, используемых руководителями высшего ранга (мэрами, губернаторами):

а) информационные тексты (рабочие совещания, селекторы, пресс-конференции и т. п.). Цель этих текстов – информирование аудитории о чем-то новом, неизвестном ранее; в них представлены оперативные сообщения об актуальных, социально значимых событиях. Данные тексты имеют достаточно жесткую структуру;

б) аналитически-критические тексты (совещания, пресс-конференции и т. д.). Их цель иная – критика, показ недостатков, которые необходимо исправить, обсуждение путей выхода из ситуации;

в) календарно-праздничные тексты (торжественные приемы, чествования, юбилеи и т. д.). Цель – выделить человека из ряда других, отметить черты, присущие только ему.

Работа спичрайтера обуславливает знание специфики каждого из представленных жанров речи, потому что «речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы <...>. Если бы речевых жанров не существовало <...>, речевое общение было бы почти невозможно» [1, с. 257–258].

При написании текстов для конкретной ситуации спичрайтер, человек, не знакомый с современными лингвистическими исследованиями в области жанроведения, интуитивно разрабатывает текст в соответствии с теми фреймами, которые он

использует в разных ситуациях повседневности. Фрейм являет собой модель, описывающую деятельностные стереотипы. Т. е. фрейм – это опыт, представленный в форме стереотипов, стабильных знаний и ассоциаций. Активно исследоваться данный концепт начал в 70-х гг. XX столетия в связи с проблемами, затрагивающими процессы порождения и понимания речи, что было связано, прежде всего, с изучением искусственного интеллекта. Разными исследователями он назывался по-разному: Минский его обозначил как фрейм, Ван Дейк – ситуационная модель, Чейф – схема, Шенк и Абельсон – сценарий. «Суммируя разные, дополняющие друг друга определения, можно сказать, что фрейм (сценарий, схема, модель) – это фрагмент знания о мире, организованный вокруг некоего понятия или типовой для данного социума ситуации и содержащий связанную с ними основную, типическую или потенциально возможную информацию, включающую сведения об обычном порядке протекания ситуации. Такие ментальные схемы обеспечивают ориентировку в ситуациях и событиях, в которых мы сами участвуем, которые наблюдаем или о которых читаем (слышим). Они позволяют нам более или менее адекватно интерпретировать поведение других людей, а также планировать собственные действия и осуществлять их принятыми в данном обществе способами – так, чтобы партнеры понимали намерения и логику наших поступков» [3, с. 9].

Человек, познавая мир посредством языка, категоризует его. Каждый раз, «производя или понимая высказывание любой разумной длины, мы используем дюжины, если не сотни категорий. Вне способности к категоризации мы не смогли бы функционировать вообще – ни в материальном мире, ни в социальной и интеллектуальной жизни» [5, с. 144]. Первым, кто обратил на

это внимание, был Аристотель, который выделил логические, понятийные категории, и весь научный мир априори принял данный подход к категории за основу. Как пишет Лакофф, «классический взгляд на категории как на сущности, объединяющие элементы с общими свойствами, не совсем ошибочен. Мы действительно часто осуществляем категоризацию вещей на этой основе» [5, с. 146]. Но уже Гумбольдт говорит о том, что существуют языки, в которых категоризация происходит на основе какого-либо одного признака, и тогда в одну категорию попадают самые разнородные явления [2]. В начале XX в. Л. Витгенштейн научно обосновал понятие естественной категоризации мира. Члены такой категории имеют лучшего представителя (прототип), соотносятся между собой по принципу семейного (фамильного) сходства, границы категорий размыты [2]. Такие категории всегда динамичны, подвижны, что позволяет оратору через сравнения, основанные на фамильном сходстве описываемых явлений, фактов, приводить в нужное соотношение, на первый взгляд, не пересекающиеся явления. Речь, направляемая ментальным уровнем, является своего рода фильтром, актуализируя то, что является прототипичным, базовым для языкового сознания адресанта и адресата.

Фрейм, построенный по принципу естественных категорий, экстраполирует принципы деятельностной, ментальной системности на языковую системность. В этом случае пересекаются динамика и статика. Динамичная пропозиционально-фреймовая, дискурсивная организация работы мозга воплощается в статичных, веками отработанных языковых формах (грамматических, фонетических, синтаксических), которые, специфично реализуясь в пределах жанров, задают характерную для того или иного жанра логико-семантическую тональность, мо-

делируют жанр. В рамках каждого жанра всегда оказываются наиболее сильные зоны влияния на адресата, содержащие значимую информацию (прототипы), и периферийные зоны, составляющие своего рода смысловой фон, находящиеся как бы в тени языкового сознания, но на самом деле усиливающие значимость ядерной зоны, что в определенной мере соответствует принципу «золотого сечения», характерному для построения эффективной речи. Прототипический эффект настраивает на восприятие основной мысли и обогащается ассоциативной связанностью на разных основаниях с периферийными элементами высказывания. В результате речь становится многоаспектной, образной, высвечивая значимость поднимаемой проблемы.

Психологическое состояние и речь оратора отличаются от его состояния в повседневном общении. Когда человек выступает перед аудиторией, его артикуляционный аппарат работает в совершенно другом режиме (связки напряжены, слова произносятся более отчетливо). Он энергетически и физиологически напряжен, заряжен эмоционально: «Эмоции – это нечто, что переживается как чувство (*feeling*), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [4, с. 27]. В состоянии расслабленности, лени оратор вряд ли сможет произнести эффективную речь. В этом же состоянии и спичрайтер вряд ли напишет хорошую речь. Команда спичрайтеров должна быть озадачена сбором материала, но писать окончательный вариант речи должен один человек, согласовывая ее с заказчиком-оратором, войдя в состояние эмоционально-ментального напряжения, суммируя собранную информацию, вжившись в образ оратора и ту аудиторию, для которой готовится текст. Один и тот же речевой жанр в разной аудитории актуализируется по-разному: например, поздрав-

ление ветеранов войны в День Победы, школьников – призеров Олимпиады, спортсменов, получивших призовые места.

Адресат, аудитория, которая слушает его выступление, отнюдь не является пассивной. Выступление политика всегда предполагает ответную реакцию, которая может возникать в виде вопросов после выступления на совещаниях, дискуссии на телевидении, радио, на страницах газет. И сам оратор внутренне ждет ответную реакцию. «Более того, всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной, и он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний – своих и чужих, – к которым его данное высказывание вступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю). Каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [1, с. 247].

Таким образом, текст, который пишет спичрайтер, характеризуется целью, исполненной в определенном жанровом формате, ориентацией на адресанта и адресата. Целостность текста проявляется и в его композиционной организации.

К примеру, типичная композиция публичных речей политических лидеров имеет, как правило, **трехчастную** структуру:

1. Зачин, в котором описывается повод для обращения, его значимость и роль для аудитории, общества в целом.

2. Основное «тело» выступления – краткое изложение основных достижений в той или иной сфере; информация о людях, которых необходимо поблагодарить; перечисление мер и усилий властей в решении различных социальных и экономических задач.

3. Заключение, где формулируются цели и задачи на определенный период, дальнейшие пути и перспективы совместной работы власти и общества.

По законам риторики начало и финал речи произносятся на подъеме. В тексте, который является эффективным, очень важны ссылки на авторитеты, что пробуждает уважение к эрудиции оратора и поднимает, в определенной мере, культуру слушающих. Ссылки на слова других людей монолог оратора делают диалогичным. Опираясь на чужие высказывания, оратор приводит их в подтверждение выдвинутой проблемы либо вступает с ними в дискуссию, и в том и другом случае он провоцирует активное восприятие речи слушающими.

Речь политика модифицируется в зависимости от того, где он ее произносит. Выступление по телевидению: аудитория видит политического деятеля, а он ее – нет. Выступление в зале: глаза в глаза со слушателями. Политический деятель несколько по-разному говорит в этих ситуациях. Телевизионное выступление носит почти всегда постановочный характер, а значит оно более «правильное», сглаженное, отрепетированное. Если это записанное выступление, то за несколько дублей материал уже отсмотрен и отредактирован самим оратором, его спичрайтером и командой имиджмейкеров. Если это выступление в прямом эфире, то оратор находится в довольно жестких рамках времени и пространства. Он – мобилизован и напряжен, менее свободен в импровизациях, вынужден интуитивно предполагать реакцию аудитории.

Совсем иначе ведет себя оратор при непосредственном контакте с аудиторией. Здесь он – хозяин положения. Его импровизации всегда точнее, поскольку нацелены на непосредственный отклик аудитории.

Над оратором меньше довлеют временные и пространственные рамки. Он более свободен в отступлениях от своего собственного написанного текста. Можно сказать, что оратор в этот момент еще продолжает работать над окончательной версией своего текста, хотя письменный его вариант уже принят и утвержден.

Очерченные в статье проблемы работы спичрайтера и политического деятеля над составлением текста выступления, равно как и выявление особенностей взаимосвязи выступающего оратора с аудиторией, как представляется, актуальны для столь значимой в настоящее время профессии спичрайтера.

Примечания

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
3. Долинин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 7–13.
4. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
5. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 143–184.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 704 с.
7. Лотман Ю. М. Устная речь в историко-культурной перспективе // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 184–190.
8. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.